

РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ

Александр Дзадзиев

Общие сведения

Республика Северная Осетия–Алания (далее – Северная Осетия) – один из субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ. Территория республики составляет около 8 тыс. кв. км (0,05% территории РФ), численность населения на начало октября 2002 г. – около 667 тыс. чел. (0,5% численности всего населения РФ)¹. Северная Осетия – один из самых густонаселенных субъектов РФ: плотность населения республики – 85 чел. на 1 кв. км (в целом по РФ – 8,6 чел., по Южному федеральному округу – 38 чел.). Северная Осетия – самая урбанизированная из республик Южного федерального округа: 67% ее населения проживают в шести городах и семи поселках городского типа, остальные – в сельской местности восьми районов республики и сельских населенных пунктах, находящихся в подчинении администрации местного самоуправления г. Владикавказа – столицы республики (в целом по Южному федеральному округу городское население составляет 58%, в РФ – 73%). Почти половина населения Северной Осетии (49%) проживает во Владикавказе.

Сложные этнополитические процессы, начавшиеся в республиках СССР и регионах России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. прошедшего столетия – «парад суверенитетов», лозунги об исключительности титульных этносов и приоритетах их интересов, попытки создания моноэтнических республик, вооруженные межэтнические и внутриэтнические конфликты и т. п., – вызвали широкий всплеск миграционной подвижности населения, прежде всего нетитульных этносов, в направ-

¹ Все количественные показатели, приведенные в тексте, приведены или рассчитаны автором по данным Государственного комитета России по статистике и государственных комитетов по статистике республик Северного Кавказа, в том числе как опубликованных в официальных изданиях, так и находящихся в текущих архивах указанных комитетов, а также данным соответствующих министерств, комитетов и других ведомств Северной Осетии.

лении своей исторической родины. Одним из первых регионов России, принявших значительное число мигрантов и беженцев из «горячих» точек бывшего СССР, явилась Северная Осетия, куда устремились беженцы-осетины из внутренних районов Грузии и Южной Осетии и основная часть реэмигрантов и беженцев-осетин из Казахстана и государств Средней Азии.

Изменение этнополитической ситуации в республике, в том числе в связи с прибытием в нее значительного числа реэмигрантов и беженцев-осетин, а также причины социально-экономического характера обусловили, в свою очередь, продолжение оттока из Северной Осетии представителей практически всех нетитульных этносов республики, основная часть которых мигрировала в направлении других субъектов РФ. Мигранты, беженцы, а затем и вынужденные переселенцы существенно изменили динамику составляющих рост численности населения Северной Осетии и ее этнический состав. Если в межпереписной период 1979–1988 гг. единственным источником роста численности населения республики был естественный прирост населения (54,5 тыс. чел.) при значительном миграционном оттоке (-14,1 тыс. чел.), то в межпереписной период 1989–2001 гг. основным источником роста численности населения Северной Осетии стал миграционный прирост. В последние же 7 лет миграционный прирост является единственным источником роста численности населения республики. На долю миграционного прироста населения Северной Осетии в 1989–2002 гг. пришлось 22,7 тыс. чел., или почти 63% общего прироста населения. В указанный период единственным источником миграционного прироста населения республики был ее миграционный обмен с республиками бывшего СССР, сальдо которого составило почти 47 тыс. чел., тогда как в миграционном обмене с субъектами РФ и странами дальнего зарубежья Северная Осетия «потеряла» соответственно почти 22 тыс. и 2,5 тыс. чел.

Основным источником роста численности населения республики в 1989–2001 гг. был значительный миграционный прирост осетин и небольшой миграционный прирост армян, тогда как у остальных вместе взятых этносов имел место миграционный отток. Миграционный прирост осетин в Северной Осетии составил в рассматриваемые годы 43,5 тыс. чел. (в 1979–1988 гг. всего лишь 4,9 тыс. чел., или 9% общего прироста населения республики). В росте численности осетинского населения республики миграционный прирост в 1989–2002 гг. составил около 72%, тогда как в предшествующий межпереписной период 1979–1988 гг. – всего 10%. В целом численность осетинского населения Северной Осетии в межпереписной период 1989–2001 гг. увеличилась более чем на 59 тыс. чел., или почти на 18%, тогда как за межпереписной период 1979–1988 гг. –

на 35,9 тыс. чел., или на 12%. Численность всего населения республики увеличилась с 1989 по 2001 г. на 36,1 тыс. чел., или на 5,7% (за межпереписной период 1979–1988 гг. – на 40,4 тыс. чел., или на 6,8%).

Значительный миграционный приток осетин в Северную Осетию в 1989–2002 гг. (42,4 тыс. чел.) был обусловлен сложившейся этнополитической ситуацией в Грузии и Южной Осетии (война 1990–1992 гг. в Южной Осетии), а также сложными этнополитическими процессами в Казахстане и государствах Средней Азии (в частности, гражданская война в Таджикистане). Сальдо миграции осетин из внутренних районов Грузии и Южной Осетии составило в 1989–2002 гг. более 33 тыс. чел. (76% общей численности миграционного притока осетин), из государств Средней Азии и Казахстана – 5,5 тыс. чел., или 13% численности мигрантов-осетин. За указанный период в Северную Осетию мигрировал (не считая беженцев) каждый пятый осетин – житель Грузии (включая Южную Осетию) и каждый четвертый осетин – житель Казахстана и государств Средней Азии (из Таджикистана – каждый третий). Отметим, что по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Грузии (включая Южную Осетию) проживали 164 тыс. осетин, в республиках Средней Азии и Казахстане – 21,1 тыс., в том числе в Таджикистане, Узбекистане и Казахстане соответственно 7,9 и 5,8 и 4,3 тыс. чел. Ссылаясь на материалы переписей населения Таджикистана (2000 г.) и Казахстана (1999 г.), отметим, что в указанных государствах на момент проведения в них переписей проживало соответственно 2,0 и немногим более 0,9 тыс. осетин.

Если в миграционном обмене с указанными государствами Северная Осетия «приобрела» в 1989–2002 гг. около 44 тыс. чел., в том числе почти 40 тыс. осетин и 3 тыс. русских, то во внутрироссийском (межрегиональном) миграционном обмене республика «потеряла» более 23 тыс. чел., в том числе 17,5 тыс. русских и 9 тыс. чел. других национальностей. В то же время миграционный приток осетин в Северную Осетию из других субъектов РФ составил 3,3 тыс. чел.

Говоря о миграционном обмене Северной Осетии с другими субъектами РФ, необходимо отметить, что основными субъектами РФ, в которые уезжает население республики, являются «русские» субъекты Северного Кавказа – Ставропольский и Краснодарский края и Ростовская обл., а также Кабардино-Балкарская Республика. Сальдо миграции только с «русскими» субъектами региона составило в Северной Осетии за период 1989–2001 гг. –14,9 тыс. чел., или 68% численности всего миграционного оттока населения республики в другие субъекты РФ. На Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую обл. пришлось соответственно 27, 26 и 11% миграционного оттока населения

Северной Осетии в другие субъекты РФ, на Кабардино-Балкарию – 5%.

Следующим по привлекательности регионом для уезжающего из республики населения является Центральный регион РФ, в частности Москва и Московская обл. Сальдо миграции с указанным регионом РФ составило в Северной Осетии за указанный период – 9,3 тыс. чел. (43% численности всего миграционного оттока населения республики в другие субъекты РФ). В последние 5 лет (1998–2002 гг.) наблюдается значительный отток населения республики в Москву и Московскую область: более 44% межрегионального миграционного оттока населения Северной Осетии в указанные годы пришлось именно на эти субъекты Центрального региона РФ. На долю «русских» субъектов Северного Кавказа пришлось в этот период около 50% межрегионального миграционного оттока населения республики.

По сравнению с межпереписным периодом 1979–1988 гг., значительно сократился, но продолжался миграционный отток из Северной Осетии русского населения. Если в межпереписной период 1979–1988 гг. миграционный отток русских из республики составил 19,9 тыс. чел. (в среднем за год 1991 чел.), то в межпереписной период 1989–2002 гг. – 15,7 тыс. чел. (в среднем за год 1142 чел.). Указанный миграционный отток и естественная убыль русского населения, составившего в 1989–2002 гг. 13,7 тыс. чел., привели к значительному уменьшению его численности в Северной Осетии – более чем на 29 тыс. чел., или на 15,5% (в межпереписной период 1979–1988 гг., когда имел место естественный прирост русского населения, их численность в республике уменьшилась на 11,5 тыс. чел., или на 5,7%).

Среднегодовые коэффициенты миграционного прироста в 1979–1988 гг. и в 1989–2002 всего населения Северной Осетии и его основных по численности этносов – осетин и русских, составлявших на начало октября 2002 г. соответственно 59 и 24% населения республики, представлены в табл. 1 (см. Приложение). В этой же таблице приведены сравнительные данные по соседним республикам региона. В табл. 3 (см. там же) приведены абсолютные показатели, характеризующие динамику численности всего населения республики и его отдельных этносов в 1979–1988 и в 1989–2002 гг.

1989–2001 гг. характеризуются изменившейся динамикой темпов роста городского и сельского населения Северной Осетии. Если в межпереписной период 1979–1988 гг. темпы роста численности городского населения республики были выше темпов роста численности сельского населения (соответственно 10,8 и 3,4%), то в последний межпереписной период рост численности сельского населения составил 10,5%, тогда как городского населения – только 3,1%. Основным источником роста чис-

ленности сельского населения Северной Осетии в 1989–2001 гг. был миграционный прирост (более 71% прироста численности сельского населения), тогда как рост численности городского населения практически в одинаковой мере обеспечивался естественным и миграционным приростом (соответственно 49 и 51%).

Говоря о миграционных процессах в Северной Осетии, необходимо отметить, что 68% общего миграционного прироста населения республики в 1989–2002 гг. пришлось на сельскую местность. При этом имели место существенные различия в направленности миграционных потоков отдельных этносов Северной Осетии. В миграционном приросте осетинского населения 63% пришлось на городские поселения республики (в том числе порядка 45–50% – на г. Владикавказ) и 37% – на сельские. Для русского населения Северной Осетии в целом, как было сказано выше, рассматриваемый период характеризуется значительным миграционным оттоком. Необходимо особо отметить, что отток русских происходил только из городских поселений республики (около 17 тыс. чел.), тогда как в сельской местности, наоборот, наблюдался их миграционный прирост (1,2 тыс. чел.). Около 75–80% миграционного оттока русских из городских поселений республики пришлось в указанный период на г. Владикавказ.

Особенности динамики численности населения Северной Осетии в первой половине 1990-х годов характеризуются не только отмеченными выше миграционными процессами, но и неблагоприятной демографической ситуацией, в частности, регрессирующим (убывающим) населением (коэффициент смертности выше коэффициента рождаемости). Именно неблагоприятная демографическая ситуация в сочетании с рядом факторов социально-экономического характера обусловили в указанные годы резкое падение уровня рождаемости и рост смертности населения Северной Осетии. С 1989 по 2002 г. общий коэффициент рождаемости сократился в республике в целом с 18,0 до 10,8 чел. на 1000 чел. населения, или почти в 1,7 раза (в РФ в целом – с 14,6 до 9,1, или в 1,6 раза). У осетинского населения республики указанный показатель сократился с 18,1 до 9,6 (в 1,9 раза), у русских – с 14,7 до 5,8 (более чем в 2,5 раза). За тот же период коэффициент смертности вырос в Северной Осетии в целом почти в 1,3 раза – с 9,5 до 12,1 чел. на 1000 чел. населения (в РФ в целом – с 10,7 до 15,6, или почти в 1,5 раза). У осетинского населения республики указанный показатель вырос с 8,1 до 11,2 (почти в 1,4 раза), у русского – с 12,9 до 15,7 чел. на 1000 чел. населения (в 1,2 раза).

Основным показателем, характеризующим неблагоприятную демографическую ситуацию в Северной Осетии, сложившуюся к моменту проведения Всероссийской переписи 2002 г., является сокращение

суммарного коэффициента рождаемости (количества рождений, приходящихся на одну женщину в течение ее жизни. Напомним, что для простого воспроизводства населения этот показатель должен составлять 2,15–2,17 ребенка). Если в 1989 г. этот показатель в республике составлял 2,32, то к началу 2002 г. он сократился почти в 1,6 раза и составил 1,46. В настоящее время это один из самых низких показателей среди республик Северного Кавказа (ниже только в Республике Адыгея – 1,29, что объясняется высоким удельным весом в республике русского населения, для которого характерен еще более низкий суммарный коэффициент рождаемости). Динамика указанного показателя зависит от целого ряда факторов, в том числе экономического, социального, этнического и, как правило, связанного с ним конфессионального характера, и т. д.

Приведенные в табл. 1 и 2 (см. Приложение) показатели свидетельствуют, что в межпереписной период 1989–2002 гг. естественный прирост населения не только не обеспечивал простого воспроизводства населения Северной Осетии, но и неуклонно приближался к критическому порогу, за которым начинается депопуляция населения. В 1996 г. республика этот порог перешагнула: с этого года естественный прирост всего населения Северной Осетии имеет минусовой показатель. Еще раньше – с 1991 г. – начался процесс депопуляции русского населения республики. С 1999 г. наблюдался процесс депопуляции и титульного населения республики – осетин. Если в 1989, 1994 и 1998 гг. естественный прирост осетин в Северной Осетии составлял соответственно 3356, 1714 и 546 чел., то в 1999, 2000 и 2001 гг. – соответственно -73, -265 и -630 чел. Особо отметим, что из титульных этносов республик Северного Кавказа только у осетин и адыгейцев в настоящее время идет процесс депопуляции этноса.

Неблагоприятные этнодемографические процессы обусловили значительный рост в республике в последние годы удельного веса населения старше трудоспособного возраста – с 17,9% в 1989 г. до 22% в 2002 г. (в целом по РФ – с 18,5 до 21%). Удельный вес «старого» населения (населения в возрасте 65 лет и старше) вырос в Северной Осетии за указанный период с 9,4 до почти 13% (в РФ в целом – с 9,6 до 13%; по критериям, принятым в демографической науке, население считается «старым», если последний показатель превышает 7%). Депопуляция населения Северной Осетии является следствием как неблагоприятных общероссийских демографических и социально-экономических процессов последних десятилетий, так и отсутствия федеральной, региональной и республиканской демографической политики.

Еще более неблагоприятной выглядит динамика демографической ситуации в Северной Осетии в сравнении с соседними республиками

региона. Так, если за период с 1989 по 2001 год уровень естественного прироста населения в республике сократился с 8,5 до -1,3 чел. на 1000 чел. населения, то в Кабардино-Балкарии этот показатель сократился с 12,6 до 0,2, в Ингушетии – с 16,2 до 14,9, в Дагестане – с 21,0 до 10,7. Не менее существенны различия и в уровне естественного прироста у осетин, с одной стороны, и титульных этносов соседних республик региона – с другой. Так, если у осетин он в 1989–2001 гг. составил за год в среднем 3,7 чел. на 1000 чел. населения, то у вместе взятых кабардинцев и балкарцев – 9,8, у вместе взятых карачаевцев и черкесов – 9,2, у ингушей – 15,6, у вместе взятых народностей Дагестана – 16,2 чел.

Уровень естественного прироста русского населения Северной Осетии в 1989–2002 гг. составил в среднем за год -5,3 чел. на 1000 чел. населения; у русского населения других республик Северного Кавказа этот показатель варьировал от -5,2 в Адыгее до -4,0 в Карачаево-Черкесии.

Если в межпереписной период 1979–1988 гг. единственным источником роста численности населения Северной Осетии был естественный прирост (54,5 тыс. чел.) при отрицательном сальдо миграции (14,1 тыс. чел.), то в межпереписной период 1989–2002 гг. естественный прирост населения составил только 12,5 тыс. чел., тогда как миграционный прирост – 21,7 тыс. чел. Среднегодовой естественный прирост населения республики в 1989–2002 гг. сократился, по сравнению с межпереписным периодом 1979–1988 гг., почти в 6 раз – с 5449 до 1032 чел.

Миграционный приток и неблагоприятная демографическая ситуация изменили структуру общего прироста как всего населения Северной Осетии, так и его отдельно взятых этносов. Доля естественного прироста в росте численности, в частности осетин, сократилась с 90% в 1979–1988 гг. до 28% в 1989–2002 гг. (среднегодовой естественный прирост в абсолютных показателях уменьшился при этом почти в 2,6 раза – с 3223 до 1230 чел.). Еще большие изменения произошли в динамике численности русского населения Северной Осетии. Если в 1979–1988 гг. естественный прирост русского населения составил 8,4 тыс. чел. (при отрицательном сальдо миграции в 19,9 тыс. чел.), то период 1989–2002 гг. характеризуется не только продолжающимся миграционным оттоком, но и естественной убылью русского населения, составившими соответственно 15,7 тыс. и 13,7 тыс. чел. Среднегодовой естественный прирост русского населения Северной Осетии сократился при этом с 838 чел. в 1979–1988 гг. до -996 чел. в 1989–2002 гг.

Среднегодовой прирост всего населения республики и его отдельных этносов в 1979–1988 гг. и в 1989–2001 гг., а также динамика показателей среднегодового прироста их численности за указанный период представлены в табл. 3 (см. Приложение).

В табл. 4 (см. Приложение) дана динамика численности населения Северной Осетии и его основных по численности этносов, а также составляющие прироста (снижения) численности отдельно взятых этносов.

Кроме отмеченных выше мигрантов Северная Осетия приняла в указанный период значительное число беженцев и вынужденных переселенцев. По данным Миграционной службы Северной Осетии, на начало 2002 г. в республике находилось 34,8 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, основную часть которых – 25,8 тыс. чел., или 74% – составляли беженцы из внутренних районов Грузии, 3,5 тыс. чел. (10%) – беженцы из республик Средней Азии и Казахстана, 0,8 тыс. чел. (2,3%) – беженцы из Южной Осетии, 2,6 тыс. чел. (7,5%) – вынужденные переселенцы из Чечни и 1,4 тыс. чел. (4%) – так называемые внутренние переселенцы, т. е. население Северной Осетии, покинувшее места своего постоянного жительства в зоне осетино-ингушского вооруженного конфликта осенью 1992 г. По соотношению численности беженцев и вынужденных переселенцев к числу постоянного населения Северная Осетия занимает в настоящее время одно из первых мест в РФ – 520 чел. на 10 тыс. населения (в целом по РФ – около 80 чел.)

Основную часть беженцев и вынужденных переселенцев, находящихся сегодня в Северной Осетии, составляют осетины – 30,4 тыс. чел., или 87,4% и русские – 2,2 тыс. чел. (6,3%); на долю остальных этносов приходится 2,2 тыс. чел. (6,3%). Значительную часть осетин-беженцев и вынужденных переселенцев составляют беженцы из внутренних районов Грузии – 24,7 тыс. чел. (81,3%), Казахстана и государств Средней Азии – 2,9 тыс. чел. (9,5%), Южной Осетии – 0,8 тыс. чел. (2,6%) и Чечни – 0,6 тыс. чел. (2%) (см. Приложение, табл. 5).

Сегодня в Северной Осетии имеют статус беженцев и вынужденных переселенцев, а также уже легализовалось в качестве граждан России 68,5 тыс. чел., или 35% численности осетинского населения, ранее проживавшего за пределами РФ (по Всесоюзной переписи населения 1989 г. – 195,7 тыс. чел.), в том числе 58 тыс. чел., или более 35% осетинского населения, ранее проживавшего в Грузии (по Всесоюзной переписи населения 1989 г. – 164,0 тыс. чел., в том числе во внутренних районах Грузии – 96,8 тыс. чел., в Южной Осетии – 65,2 тыс. чел.).

Исходя из этнополитических реалий и экономической ситуации в Грузии, Южной Осетии, Казахстане и государствах Средней Азии, необходимо уже сегодня всех осетин-беженцев из указанных государств считать гражданами России: никаких предпосылок для их возвращения в места своего прежнего проживания на территории указанных государств ни в ближайшем, а тем более в отдаленном будущем не предвидится. Отметим, что с середины 1997 г. (времени начала воз-

возвращения беженцев-осетин во внутренние районы Грузии и Южную Осетию) по 1 января 2002 г. усилиями УВКБ ООН и миграционных служб Северной и Южной Осетии в места своего прежнего постоянного проживания в Южной Осетии возвращены всего 1138 чел. (341 семья), во внутренние районы Грузии – 193 чел. (61 семья). Часть этих людей впоследствии опять вернулась в Северную Осетию. В 2002 г. возвращения осетин-беженцев в Южную Осетию и внутренние районы не происходило. Сказанное относится и к русским беженцам из Казахстана и государств Средней Азии: часть из них останется в Северной Осетии, другие используют республику как транзитный пункт для переезда в «русские регионы» РФ.

Вероятнее всего, что в ходе прошедшей Всероссийской переписи населения определенная (на наш взгляд, немалая) часть беженцев-осетин (и не только осетин) из Грузии, Южной Осетии, Казахстана и государств Средней Азии на вопрос: «Ваше гражданство» указала: «российское». Конечным результатом такого поведения переписанных осетин-беженцев и вынужденных переселенцев, проживающих на территории Северной Осетии, может стать значительный рост численности осетинского населения республики. Вероятнее всего, что *только* за счет указанной категории переписанного населения численность населения Северной Осетии в целом может оказаться выше расчетной – минимум на 25–30 тыс. чел.

С августа 1994 г. – момента начала возвращения ингушских вынужденных переселенцев – по 1 октября 2002 г. в Северную Осетию официально вернулось 20,8 тыс. ингушей. Фактически же численность вернувшегося ингушского населения гораздо ниже. По данным Представительства специального представителя президента РФ по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта, численность ингушского населения, вернувшегося в места своего прежнего постоянного проживания на территории Северной Осетии, насчитывала на 1 октября 2002 г. около 12 тыс. чел. Естественно, что гораздо ниже озвучиваемой властями Северной Осетии и общая численность ингушского населения, проживающего в республике на момент проведения переписи. На начало 2002 г. их реальная численность в Северной Осетии составляла, по нашим расчетам, около 20–22 тыс. чел. Несколько иной цифры на этот счет придерживается руководство республики: по его мнению, в настоящее время в Северной Осетии проживают около 30 тыс. ингушей. Одним из итогов прошедшей переписи населения республики может стать «недобор» значительного числа ингушей из этих «почти 30 тыс. чел. ингушского населения, проживающего в настоящее время в Северной Осетии» (если, конечно, в ходе переписи этот вопрос уже не был «должным образом» решен руководством республики).

Приведенные в табл. 1–4 (см. Приложение) абсолютные и относительные показатели, характеризующие современную демографическую ситуацию в Северной Осетии, а также сравнительные данные по соседним республикам региона свидетельствуют не только о демографическом кризисе, переживаемом сегодня республикой, но и о тенденциях к его дальнейшему углублению. Ситуация требует самого незамедлительного принятия ряда мер, направленных на стабилизацию, а затем и улучшение демографической ситуации в республике. В противном случае существующие тенденции к падению рождаемости и росту смертности неизбежно приведут в ближайшие десятилетия как к прогнозируемым, так и к еще более непредвиденным этнодемографическим изменениям, а через них и к негативным социально-экономическим и этнополитическим процессам в Северной Осетии. И может так случиться, что на разрешение этих проблем уже не хватит самих людей: население республики к этому времени в основной массе своей будет безнадежно «старым». Напомним, что на начало 2002 г. население старше трудоспособного возраста составляло 21,9% населения Северной Осетии, а население в возрасте 65 лет и старше – почти 13%.

Прогнозируя развитие демографической ситуации в Северной Осетии на ближайшую перспективу и исходя при этом из существующих в республике тенденций динамики рождаемости и смертности, Государственный комитет РФ по статистике в своем пессимистическом варианте отмечает, что к 2010 г. число рождений в Северной Осетии сократится до 6,0 тыс. чел. (в 2001 г. – 7,3 тыс.), число смертей, наоборот, возрастет до 10,0 тыс. чел. (в 2001 г. – 8,2 тыс.); в относительном выражении эти показатели составят соответственно 9,4 и 15,7 чел. на 1000 чел. населения. Согласно данному прогнозу, в 2002–2010 гг. в Северной Осетии родится 55–53 тыс. чел., умрет же 80–82 тыс.; естественный прирост населения республики составит порядка минус –30 тыс. чел.

Прогнозируя развитие демографической ситуации у отдельных этносов Северной Осетии, необходимо отметить, что существующие темпы роста смертности и снижение уровня рождаемости уже в ближайшие годы приведут к дальнейшей депопуляции осетинского населения республики, что единственным источником роста его численности в республике будет миграционный прирост, основная часть которого уже сегодня находится на территории Северной Осетии – беженцы из внутренних районов Грузии, Южной Осетии, Казахстана и государств Средней Азии. Указанная категория беженцев, являясь потенциальными гражданами Северной Осетии, будет определять в ближайшие годы характер динамики численности населения республики, тогда как естественный прирост всего населения и большей части его этносов, в том числе осетин, будет иметь, вероятнее всего, все более и более минусовые показатели.

Языковые проблемы

Этнополитические процессы конца 1980-х и всех 1990-х годов прошедшего столетия обусловили всплеск национального самосознания осетинского народа, рост интереса к своей национальной культуре, изменили отношение к языковой ситуации в республике. В марте 1992 г. на страницах республиканских газет был опубликован проект закона Северной Осетии «О языках народов Северо-Осетинской ССР», который вызвал большой интерес у общественности республики, особенно у осетин, говорящих на дигорском диалекте осетинского языка. (Напомним, что в осетинском языке существуют два диалекта – иронский и дигорский, которые являются родными соответственно для почти 70 и 30% осетинского населения Северной Осетии. В 1934 г. в основу литературного осетинского языка был положен иронский диалект.) С конца 1980-х – начала 1990-х годов дигорская общественность стала активно выступать в СМИ республики с обоснованиями необходимости придания дигорскому диалекту осетинского языка статуса самостоятельного языка. Особенно активно обсуждался этот вопрос в период дебатов по проекту закона «О языках народов Северо-Осетинской ССР». Однако проект этого закона, несмотря на активность осетинской общественности, так и остался проектом. В начале 1996 г. в республике была образована еще одна комиссия по разработке нового проекта закона «О языках народов Северной Осетии», в 2000 г. ее состав был значительно обновлен. В 1998–2002 гг. варианты проекта указанного закона неоднократно рассматривались соответствующими парламентскими комитетами и Всеосетинским общественно-политическим движением «Аланты Ныхас», но окончательный вариант проекта еще не разработан. В сентябре 1999 г. указом президента Северной Осетии была образована Комиссия по сохранению и развитию осетинского языка при президенте Северной Осетии, однако кроме участия ее отдельных членов в разработке проектов закона «О языках народов Северной Осетии» ее работа не видна.

В принятой в ноябре 1994 г. Конституции Республики Северная Осетия–Алания осетинский язык (наряду с русским) объявлен государственным языком (ст. 15, п. 1). «Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты), – говорится в Конституции Северной Осетии, – является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка являются важнейшими задачами органов государственной власти Республики Северная Осетия–Алания» (ст. 15, п. 2). Однако в силу ряда причин объективного и субъективного характера статус осетинского языка как государственного является чисто номинальным.

По мнению специалистов – лингвистов и социологов, современная этноязыковая ситуация в Северной Осетии и тенденции ее динамики на перспективу таковы, что осетинский язык (как, впрочем, и языки более мощных по количеству своих носителей титульных этносов других республик РФ) не сможет в ближайшие десятилетия приобрести равного с русским статуса государственного языка. Тем не менее наиболее радикально настроенная часть осетинской творческой и научной интеллигенции настаивает на придании осетинскому языку статуса государственного уже в ближайшие годы. Об этом, в частности, шла речь и на состоявшейся 5 ноября 2002 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований научно-практической конференции «Осетинский язык – государственный язык Республики Северная Осетия–Алания». Конференция была проведена по инициативе парламента республики и была приурочена к очередному рассмотрению парламентом проектов республиканского закона «О языках народов Северной Осетии» и республиканской целевой программы «Осетинский язык». К чему конкретно могут привести попытки ускорения придания осетинскому языку статуса государственного без глубоко продуманной долговременной и, надо сказать, дорогостоящей работы по изменению этноязыковой ситуации в республике, где 40% населения не являются осетинами, а немалая часть самих осетин не владеет или плохо владеет языком своей национальности, – сегодня сказать весьма трудно. Но, вероятно, в лучшем случае – ни к чему.

В то же время менее радикальная часть осетинской общественности считает, что объективной необходимости, а тем более целесообразности придания осетинскому языку статуса государственного нет. Тем более, что нет осетинского государства как такового. «Республики в составе Российской Федерации – это далеко не государства. Наличие у *российских республик* атрибутов государственности – гербов, гимнов и флагов – не делает их государствами, как не сделают их государствами и попытки придания статуса "*государственного*" языкам титульного населения этих республик. Необходимо считаться с политической реальностью, с объективными законами развития многонационального общества в рамках единого Российского государства» – так отреагировал на итоги научно-практической конференции «Осетинский язык – государственный язык Республики Северная Осетия–Алания» один из ведущих ученых республики. По мнению менее радикальной части осетинской научной интеллигенции, в настоящее время речь должна идти не о решении иллюзорных «государственных» языковых проблем, не «о придании осетинскому языку статуса языка межпланетного общения», а о более важном и насущном в деле сохранения этно-

культурной самобытности осетинского народа – поисках путей сохранения и дальнейшего развития осетинского языка прежде всего для самих осетин, а затем уже и для мировой культуры.

В тесной взаимосвязи с проектом закона «О языках народов Северной Осетии» стоит и проект Концепции развития национальной школы в Северной Осетии, вынесенный на всенародное обсуждение еще в ноябре 1992 г. Необходимо отметить, что этот проект изначально был нереален, так как полностью игнорировал языковую ситуацию в республике. В проекте Концепции были намечены основные направления и этапы развития национальной школы республики до 2000 г. Проект Концепции предусматривал возможность обучения уже с 2000 г. на осетинском языке в профессиональных, средних специальных и высших учебных заведениях республики.

Реального же проекта Концепции развития национальной школы в Северной Осетии, а тем более самой Концепции, учитывающей реальную языковую ситуацию в республике и отвечающей задачам «национального возрождения и приобщения подрастающего поколения к основам своей национальной культуры» (при безусловном соблюдении в сфере образования интересов представителей других этносов), сегодня в Северной Осетии нет. В законе Северной Осетии «Об образовании», принятом в августе 2000 г., из почти 60 статей только две связаны непосредственно с языком и культурой осетинского народа (ст. 6 «Язык (языки) обучения» и ст. 7 «Воспитание. Изучение истории и культуры многонационального народа Республики Северная Осетия–Алания»).

Осетинский язык в общеобразовательной школе

В 2002/2003 учебном году начальное обучение детей осетинской национальности на родном языке ведется в 62 школах республики (в 2000/2001 учебном году таких школ было также 62, в 1999/2000 учебном году – 54, в 1997/1998 учебном году – 34). В двух районах преимущественного проживания осетин, для которых родным является дигорский диалект осетинского языка, – Ирафском и Дигорском – обучение детей в начальной школе ведется на родном диалекте в 22 из 28 школ. В столице республики г. Владикавказе, где проживает почти половина осетинского населения республики, в 2002/2003 учебном году была только одна школа с обучением осетинских детей в начальных классах на родном языке. Всего в Северной Осетии обучением в начальной школе на осетинском языке в указанном учебном году охвачено около 4 тыс. учащихся, или 17% учащихся начальной школы осетинской национальности. Начальное обучение детей осетинской национальности на

родном языке ведется во всех районах республики, за исключением «русского» Моздокского р-на (удельный вес осетин в численности населения района составляет около 9%, русских – 50%).

В 2002/2003 учебном году осетинский язык и литература изучаются как обязательные предметы с 1-го или со 2–5-х классов (в зависимости от программы выбранной школой) по 11-й классы во всех школах республики всеми учащимися независимо от их национальности. На изучение указанных предметов в каждом классе отводится 5 часов в неделю.

Несмотря на многочисленные выступления в СМИ о необходимости возрождения осетинского языка, наличие в республике университета и педагогического института (в последнем два уровня образования – среднее специальное и высшее), готовящих кадры для национальной (осетинской) школы, одной из проблем сегодняшней национальной школы продолжает оставаться нехватка учителей начальных классов и преподавателей осетинского языка и литературы. Другая не менее острая проблема национальной школы Северной Осетии – отсутствие методологической и методической литературы, отвечающей современным требованиям преподавания родного языка. Исходя из необходимости решения указанных и других проблем национальной школы, в конце 2000 г. в Министерстве общего и профессионального образования Северной Осетии был создан отдел национальной школы, осетинской филологии и национально-регионального компонента. Определенные надежды возлагает сегодня указанное министерство на Республиканский закон «О языках народов Северной Осетии» и республиканскую целевую программу «Осетинский язык», проекты которых в настоящее время разрабатываются парламентом республики.

В г. Владикавказе уже 112 лет существует *грузинская школа*, обучение в которой ведется на грузинском языке. На начало 2002/2003 учебного года в ней обучалось более 250 учащихся (в Северной Осетии на начало 2002 г. проживали 12,3 тыс. грузин; все они в основном, – жители г.Владикавказа). На начало указанного учебного года в трех селениях Моздокского р-на Северной Осетии около 2 тыс. учащихся кумыкской национальности и более 100 учащихся кабардинской национальности изучают с 1-го класса как предметы соответственно кумыкский и кабардинский язык и литературу (в указанном районе на начало 2002 г. проживали более 10 тыс. кумыков и более 2 тыс. кабардинцев). В селах Пригородного и Моздокского районов республики родной язык и литературу как предметы изучают около 3 тыс. учащихся ингушской национальности (напомним, что на начало 2002 г. в Северной Осетии проживали почти 20–22 тыс. ингушей).

В воскресных школах при армянском, еврейском, греческом, татарском, польском и немецком национально-культурных обществах изучаются соответственно армянский, еврейский, греческий, татарский, польский и немецкий язык и литература.

Осетинский язык в СМИ и профессиональной культуре

В 2000–2002 гг. объем передач на осетинском языке государственной телерадиокомпании «Алания» остается практически неизменным. Передачи на осетинском языке в 2000–2002 гг. занимали соответственно около 30 и 50% еженедельного эфирного времени государственного телевизионного канала и радио Северной Осетии (в 1998 г. – 20 и 35%).

Удовлетворение этноязыковых и других этнокультурных потребностей осетинского населения Северной Осетии реализуется и периодической печатью республики. В 2002 г. в Северной Осетии издавались две республиканские газеты на осетинском языке – «Растдзинад» («Правда») и «Дигора» (первая – на иронском, вторая – на дигорском диалекте осетинского языка). Несколько газет республики, в том числе и негосударственные, – двуязычные, в них материалы печатаются как на русском, так и на осетинском языках. Среди них республиканская молодежная газета «Слово-Ныхас», независимая социально-политическая газета «Фыдыбаста-Отчизна», «Аланты Ныхас» (газета Всеосетинского общественно-политического движения «Аланты Ныхас»), «Ног газет» («Новая газета»), «Иры ныфс» («Надежда Осетии») и др. На осетинском языке выходят три из четырех литературно-художественных журналов, издаваемых Союзом писателей Северной Осетии, в том числе два – на иронском диалекте «Мах дуг» («Наша эпоха») и «Ногдзау» («Пионер» – журнал для детей младшего школьного возраста) и один на дигорском диалекте – «Ираф». В семи из восьми сельских районов Северной Осетии районные газеты выходят с полосами на осетинском и русском языках. В «русском» Моздокском р-не районная и городская газеты выходят на русском языке.

Много материалов, касающихся современного состояния осетинского языка, истории и традиционной культуры осетин, публикуется, естественно, и «русскоязычной» прессой республики. Среди этих изданий необходимо отметить журнал «Дарьял», республиканскую ежедневную газету «Северная Осетия», столичную ежедневную газету «Владикавказ», газеты «Осетия», «Пульс Осетии», «Социал-демократ Осетии», «Православная Осетия», «Минарет» и др.

В последние годы растет число изданий художественной и научно-популярной литературы на осетинском языке, издаваемой государст-

венными полиграфическими предприятиями за счет республиканского бюджета. Если в 1999 г. издательствами республики было выпущено 17 наименований книг на осетинском языке, в 2000 г. – 22, то в 2001 г. – 33. Их удельный вес в численности выпущенной издательствами республики художественной и научно-популярной литературы вырос с 50% в 1999 г. до 78% в 2001 г. Кроме этого значительная часть художественной литературы на осетинском языке издается за счет самих авторов или благодаря спонсорской помощи.

В Северной Осетии в настоящее время работают шесть театров – Северо-Осетинский драматический театр (спектакли на иронском диалекте осетинского языка), Дигорский театр (на дигорском диалекте осетинского языка), Северо-Осетинский музыкальный театр (на русском языке), Северо-Осетинский конный театр «Нарты» (на иронском диалекте осетинского языка), Республиканский театр для детей и юношества «Саби» (на русском языке и иронском диалекте осетинского языка) и Русский драматический театр.

Переписи населения и родной язык

Как правило, родной язык членов семьи, а тем более детей (как несовершеннолетних, так и совершеннолетних), записывался и записывается в ходе переписей населения со слов одного из членов семьи. При этом, несмотря на самый различный уровень владения языком своей национальности, именно он, как правило, указывается родным языком. *Срабатывает стереотип мышления, при котором родной язык отождествляется с этнической принадлежностью.* Особенно характерно это для титульных этносов РФ, проживающих в своих национально-государственных образованиях. Не составляют в этом плане исключение и осетины, проживающие в Северной Осетии. Для них, как и для многих других титульных этносов республик РФ, сегодня характерен значительный рост национального самосознания. Одним из следствий этого будет то, что большая часть осетинских детей и молодежи республики, а также определенная часть осетинского населения среднего возраста, проживающая, в частности, в г. Владикавказе, и слабо или практически не владеющая языком своей национальности, окажется в итоге Всероссийской переписи населения 2002 г. включенной в численность осетинского населения, указавшего родным осетинский язык. Исходя из изложенного выше, а также из-за отсутствия в переписном листе конкретной графы о родном языке и, что особенно важно, *из качества проведенной переписи в части отсутствующего в анкете, но задаваемого переписчиком вопроса о родном языке,* итоги прошедшей Всероссийской

переписи населения не дадут нам возможности иметь реальную картину с родным языком у многих народов России, в том числе и у осетин. Как, впрочем, не давали такую возможность и прежние Всесоюзные переписи населения.

Зная, в частности, реальную языковую ситуацию в Северной Осетии и динамику ее развития, мы вправе считать, что во всех предыдущих переписях населения данные по родному языку *были явно завышены* в пользу языка своей национальности не только у осетин, но и у представителей ряда других этносов, проживающих в республике. Данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. по родному языку у осетин Северной Осетии свидетельствуют о неизменном характере отождествления родного языка со своей национальной принадлежностью. Родным указали язык своей национальности 98% осетинского населения Северной Осетии в ходе переписи населения 1959 г.; в переписях населения 1970, 1979 и 1989 гг. этот показатель равнялся соответственно 98,4, 98,3 и 98,2%, т. е. оставался практически неизменным. Доля осетин, указавших родным языком русский, также оставалась практически неизменной: 2% – в 1959 г., 1,6 – в 1970 г., 1,7 – в 1979 г. и около 1,8% – в 1989 г. Родным назвали язык своей национальности в ходе переписи 1989 г. в целом и 98,4% населения других вместе взятых титульных этносов республик и автономных областей Северного Кавказа, русский – 0,9%; у отдельно взятых указанных этносов эти показатели варьировали соответственно от 97,2 до 99% и от 0,2 до 1,7%.

В действительности же этноязыковая ситуация, по крайней мере, в Северной Осетии, совершенно иная: как свидетельствуют многочисленные социологические опросы и исследования состояния осетинского языка, проведенные в республике в последние годы, русский язык давно стал родным или, по крайней мере, является первым родным языком для значительной части осетин².

Небезынтересно будет отметить, что у осетинского населения РФ, проживающего за пределами своей республики, в силу ряда причин

² См., в частности: Гостиева Л. К., Дзадзиев А. Б. Язык и этнокультурные реалии Северной Осетии // Северный Кавказ: этнополитические и культурные процессы в 20 в. М., 1995; Дзуцев Х. В. Характеристика языковой ситуации в Северной Осетии (по материалам социологических исследований) // Северная Осетия: этнополитические процессы 1990–1994 гг. Т. 1. М., 1995; Сидакова Д. Р. Современные социальные функции осетинского языка // Работы Центра социологических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ. 1999; Цуциев А. А. Некоторые аспекты языковой ситуации и языковой политики в Северной Осетии // Бюл. Центра социальных и гуманитарных исследований и Владикавказского центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН. Владикавказ. 2000. № 1 (5) и № 2 (6); Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. Владикавказ, 2002.

объективного и субъективного характера отсутствует жесткая связь между национальной принадлежностью и родным языком – языком своей национальности, что дает основания доверять итогам переписей населения, касающимся вопроса о родном языке именно этой категории РФ. Вероятно, это в значительной мере относится и к другим титульным этносам, проживающим вне пределов своих национально-государственных образований. Данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. свидетельствуют, в частности, не только об отсутствии у осетин РФ, проживающих за пределами своей республики, жесткой связи между этнической принадлежностью и родным языком-языком своей национальности, но и об определенной динамике абсолютных и относительных данных, касающихся родного языка. Так, если по итогам переписи населения 1959 г., родным указали осетинский язык 73% указанной категории осетинского населения РФ, а русский язык – немногим более 25%, то по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. эти показатели составляли уже соответственно 68,4 и 29,6%. Родным назвали язык своей национальности при переписи 1989 г. в целом и 88,9% населения других титульных этносов республик и автономных областей Северного Кавказа, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований, русский – 9,4%. У отдельно взятых указанных этносов эти показатели варьировали соответственно от 66,3 до 94,5% и от 4,7 до 30,8%.

Проблемы проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. в Северной Осетии

Проблемы проведения переписи населения в Северной Осетии не имели существенных отличий от общероссийских проблем переписной кампании. Тем не менее постараемся коротко остановиться на этих проблемах и некоторых вопросах, вызванных ходом переписи населения, а также ее некоторыми предварительными итогами.

1. Отсутствие принципа обязательного участия в переписи и вытекающая из него активность участия населения в переписи. Согласно данным опроса населения Северной Осетии, проведенного Центром социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления (ЦСГИ ВИУ) 27–29 сентября 2002 г. (опрошено 618 чел.), на вопрос: «Как Вы считаете, участие в переписи должно быть обязательным или добровольным?» 76% опрошенных ответили *обязательным*, 17% – *добровольным*. 7% опрошенных ответить однозначно на указанный вопрос затруднились. На следующий вопрос анкеты: «Прими-

те ли Вы участие во Всероссийской переписи населения 9–16 октября 2002 года?» 92% опрошенных ответили «да», 5% – «нет». 3% опрошенных однозначно ответить на указанный вопрос затруднились. Необходимо отметить, что подавляющее большинство респондентов с пониманием отнеслось к необходимости участия в переписи населения, но при этом выразило сомнение в том, что переписчики получают на все вопросы переписного листа искренние ответы (Об этом подробно см. ниже). Результаты указанного опроса практически совпали с результатами общероссийского опроса, проведенного Фондом общественного мнения в августе 2002 г. (опрошено 1600 чел.). В ходе этого опроса «да» на указанный вопрос ответили 90% опрошенных, «нет» – 6%, затруднились ответить – 4%³.

Однако, как известно из опыта различных социологических опросов, декларируемая/заявляемая готовность принять участие в той или иной акции всегда бывает, как правило, выше уровня реального участия. Этот факт в очередной раз был подтвержден результатами опроса населения Северной Осетии, проведенного ЦСГИ ВИУ 21–25 октября 2002 г. (опрошено 520 чел.). Результаты опроса показали, что во Всероссийской переписи населения 2002 г. приняли участие лично или через членов своей семьи 87% опрошенного населения республики, из них были опрошены лично (в том числе по телефону) – 51%, *переписаны* при переписи членов семьи – 36%. 8% опрошенных ответить на поставленный вопрос затруднились: *переписаны лично не были, но и не смогли однозначно ответить, были ли они учтены при переписи членов их семей и были ли переписаны члены их семей вообще*; 5% респондентов ответили однозначно: «Ни меня лично, ни членов моей семьи никто не переписывал». Отметим, что в числе последних не оказалось ни одного человека, который не был переписан по причине своего нежелания участвовать в переписи населения (напомним, что согласно опросу, проведенному ЦСГИ ВИУ 27–29 сентября 2002 г., 5% опрошенного населения высказали намерение не участвовать в переписи).

Результаты опроса, проведенного ЦСГИ ВИУ 21–25 октября 2002 г., несколько не совпали с официальной информацией о том, что, в частности, в г. Владикавказе «в переписи приняло участие 100% горожан»⁴, что «переписаны практически все 100% населения республики»⁵.

По результатам аналогичного опроса, проведенного Фондом общественного мнения в конце октября 2002 г. (опрошено 1500 чел.), в целом по РФ в переписи населения приняли участие лично или через

³ Коммерсант-ВЛАСТЬ. 2002. 16–22 сент. С. 8.

⁴ Владикавказ. 2002. 19 окт.

⁵ Северная Осетия. 2002. 11 нояб.

членов своей семьи 92% опрошенного населения, в том числе были опрошены лично 66%, через членов семьи – 26%. 7% респондентов ответили, что не участвовали в переписи, а 1% опрошенных ответить на поставленный вопрос затруднились⁶. Только в Москве, «по официальным данным, "вписать себя в историю" отказались около 600 тыс. чел. – 7% населения столицы»⁷. Тем не менее в своем интервью журналу «Итоги» заместитель председателя Госкомстата России С. Колесников заявил: «Можно сказать, что перепись охватила практически все население страны... Да, мы пересчитали тех, кого увидели (!? – А. Д.)»⁸.

2. Проблема выхода на расчетную численность и достоверности итогов переписи населения. Стремление выхода при переписи населения на расчетную численность, определенную Госкомстатом России для всех регионов РФ, и пути решения этой проблемы ставят под сомнение достоверность итогов переписи. В Северной Осетии расчетная численность, исходя из интервью с председателем Госкомитета Северной Осетии по статистике З. Кононовой, должна была быть, вероятно, около 680–700 тыс. чел. Отсутствие принципа обязательного участия населения в переписи и, что весьма существенно, *ее анонимность*, с одной стороны, и проблема выхода на расчетную численность – с другой, стремление некоторых руководителей районного, городского, муниципального и областного/краевого/республиканского уровней выйти на «нужную/желательную» численность «своего» населения – с третьей, и т. д. вызывает опасения, что в ряде регионов РФ вместо сплошной переписи населения могли быть использованы другие методики и способы «выхода» на нужную численность. Еще в подготовительный к переписи период на возможность этого указывал один из активных участников переписной кампании, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков. «Если город, район или регион желают преодолеть некий численный барьер или получить определенный национальный состав своего населения, – писал он в «Независимой газете», – сделать это при анонимном вопроснике будет нетрудно, а проверить – невозможно. В России клиентов для подобных манипуляций более чем достаточно»⁹. На возможность «подведения» итогов переписи

⁶ Коммерсант-ВЛАСТЬ. 2002. 28 окт.–3 нояб. С. 10.

⁷ Камакин А. Вписались в историю (Интервью с заместителем председателя Госкомстата России С. Колесниковым //Итоги. 2002. 22 окт. С. 14. Камакин А. Вписались в историю (Интервью с заместителем председателя Госкомстата России С. Колесниковым //Итоги. 2002. 22 окт. С. 14.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Тишков В. Перепись населения: опросный лист и логика жизни //Независимая газета. 2002. 7 июня.

си под «желательные результаты» в отдельных регионах РФ указывал, в частности, «Еженедельный журнал»¹⁰. Свидетельством этого могут быть уже опубликованные в региональных СМИ предварительные данные о численности населения в ряде субъектов РФ, которые значительно превышают официальные данные Госкомстата России на начало 2002 г. и «зашкаливают» за все расчетно допустимые показатели. Так, численность населения Чечни, по данным Госкомстата России, насчитывала на начало 2002 г. около 625 тыс. чел.¹¹, по другим источникам – от 600 до 900 тыс. чел.¹². «По оптимистическим прогнозам, звучавшим накануне переписи, – писала «Независимая газета», – число жителей республики не должно было превысить 900 тыс. чел.»¹³. По расчетам автора данной статьи численность населения Чечни составляла на начало октября 2002 г. около 900–920 тыс. чел. Согласно же предварительным данным переписи 2002 г., в республике проживает 1 млн 88,8 тыс. чел.¹⁴. Численность населения Дагестана, по предварительным данным переписи, оказалась более чем на 300 тыс. чел. больше официальных данных численности населения республики на начало 2002 г. – соответственно более чем 2,5 млн и 2,18 млн чел.¹⁵. Почти на 130 тыс. чел. больше, чем было по расчетным данным, оказалась, по предварительным данным переписи, численность населения в Ингушетии – соответственно 476,9 тыс. и 350 тыс. чел.¹⁶. Если же эти предварительные итоги переписи населения верны, то они являются свидетельством более чем плохой работы в последние 13 лет региональных комитетов Госкомстата России и правоохранительных органов этих регионов по учету естественного и механического движения населения.

Уже опубликованная информация о некоторых предварительных итогах численности населения как в РФ в целом, так в ее отдельных субъектах вызывает, мягко говоря, удивление и подтверждает высказанные выше опасения. Так, в частности, оценочная численность населения РФ, сделанная Госкомстатом России, составляла на 1 сентября 2002 г. 143,4 млн чел.¹⁷. В переписи населения, по приведенным выше данным Фонда общественного мнения, не приняли участия 7% насе-

¹⁰ См.: Жуков Б. Ничейный счет //Еженедельный журнал. 2002. 15 окт. (№ 40). С. 24.

¹¹ Численность и миграция населения РФ в 2001 году. М., 2002. С. 9.

¹² См., напр.: Время. 2002. 18 окт.; Независимая газета. 2002. 10, 17 и 22 окт.; Северный Кавказ. 2002. № 42 (октябрь).

¹³ Независимая газета. 2002. 17 окт.

¹⁴ См., в частности: Труд. 2002. 16 окт.; Независимая газета. 2002. 17 окт.; Северный Кавказ. 2002. № 41 (октябрь).

¹⁵ См.: Северный Кавказ. 2002. № 43 (октябрь); Численность и миграция населения РФ в 2001 году. С. 9.

¹⁶ Северный Кавказ. 2002. № 43 (октябрь).

¹⁷ Итоги. 2002. 22 окт. С. 16.

ния (не считая 1% «затруднившихся» однозначно ответить – были или не были они переписаны в ходе переписи населения. Вероятнее всего, нет). 7% – это около 10 млн чел. По данным министра по делам национальностей РФ В. Зорина, озвучившего предварительные итоги переписи населения, общая численность населения России составила 145,1 млн чел.¹⁸. *Кем и каким образом были учтены уже не 10 млн, а почти 12 млн чел.? Откуда взялись эти еще почти 2 млн чел.?*

Вероятно, подобная ситуация наблюдается практически во всех субъектах РФ. Так, в частности, в Северной Осетии численность постоянного населения на начало 2002 г. составляла около 680 тыс. чел. В переписи не приняли участие, согласно указанному выше опросу, как минимум 5% населения республики (около 34 тыс.). Численность же *переписанного* населения Северной Осетии «перевалила за 700 тыс. планку»¹⁹. Возникает тот же вопрос: «Кем и каким образом были учтены эти минимум 55 тыс. чел.?» Необходимо отметить, что экспертные оценки давали практически ту же цифру численности населения республики – 700–710 тыс. чел. Вероятнее всего, именно экспертная оценка и была озвучена председателем Госкомстата Северной Осетии.

Возвращаясь к расчетным данным и желанию руководителей отдельных административных единиц (населенных пунктов, районов и субъектов) иметь *нужную* численность населения, отметим, что не исключено, что эти *нужные* данные или их различные корректировки могут быть «найжены»/осуществлены и в процессе подготовки материалов переписи к машинной обработке.

Проблема достоверности итогов переписи населения Северной Осетии в частности и РФ в целом. В ходе указанного опроса, проведенного ЦСГИ ВИУ 21–25 октября 2002 г., респондентам задавался вопрос: «Достоверными ли, на Ваш взгляд, будут итоги переписи населения Северной Осетии?». 61% опрошенных ответили «да», в том числе 43% – «однозначно да», 18% – «скорее да, чем нет», 28% респондентов посчитали, что «нет», в том числе 16% – «скорее нет, чем да», 12% – «однозначно нет». 11% опрошенных дать какой-либо ответ на указанный вопрос затруднились. По данным, приведенным журналом «Коммерсант–ВЛАСТЬ», достоверность итогов Всероссийской переписи населения оценивается экспертами на 75%²⁰.

Исходя из анализа хода проведения Всероссийской переписи населения и ее предварительных итогов, касающихся численности населения как России в целом, так и ее отдельных субъектов, уже сегодня

¹⁸ Независимая газета. 2002. 27 нояб.

¹⁹ Северная Осетия. 2002. 11 нояб.

²⁰ Коммерсант–ВЛАСТЬ. 2002. 28 октября–3 ноября. С. 23.

можно с большой долей уверенности высказать некоторые основные предположения:

1. *Заинтересованный* подход к итогам переписи руководителей многих регионов РФ «опровергнет» выводы российских демографов о продолжающемся процессе сокращения численности населения РФ в целом и русского населения в частности.

2. В некоторых республиках РФ в нарушение всех законов демографического развития значительно увеличится численность населения титульных этносов и их удельный вес в составе населения этих республик, а внутри республик произойдут серьезные изменения в этнических диспропорциях населения отдельных районов.

3. *Отсутствие определенной части населения в местах фактического проживания* и имеющиеся при этом опасения, что они не будут переписаны ни в границах «своих» переписных участков, ни в каком-либо другом месте. (*Неудачное*, с точки зрения методики проведения переписей, время проведения Всероссийской переписи населения–2002. Октябрь – далеко не тот месяц, на который приходится период наименьшей подвижности населения России). Однако, как следует из официальных заявлений о «100%-ом охвате населения в ходе переписи» и предварительных итогов переписи, эти люди все же «были найдены и переписаны».

4. *Отсутствие в переписном листе графы о родном языке*. Многие из переписчиков даже не задавали переписываемому лицу вопрос о родном языке, как этого требовало «Руководство для переписчика» (в частности, на с. 56). Свидетелем этому был автор данной статьи, который в течение двух дней (13–14 октября) наблюдал работу четырех переписчиков, а в ходе переписной кампании провел интервью с 12 переписчиками. Более чем вероятно, что аналогичная ситуация имела место и во многих других регионах РФ. Естественно, что в ходе подготовки материалов переписи к машинной обработке эти ошибки будут определенным образом исправлены: скорее всего родной язык будет указываться исходя из национальности переписанного лица. В связи с этим трудно согласиться с мнением заместителя председателя Госкомстата России С. Колесникова, что «данные о родном языке мы получим полностью»²¹.

5. *Низкий уровень подготовки переписчиков и их текучесть*. Вынужденная необходимость прибегать к использованию резерва переписчиков, обученность которого проведению переписи населения оставляла желать лучшего.

²¹ Итоги. 2002. 22 окт. С. 16.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Динамика среднегодовых показателей прироста численности населения республик Северного Кавказа в 1979–1988 гг. и в 1989–2001 гг.

Регион	Среднегодовой коэффициент прироста населения (на 1000 чел.):					
	общего		естественного		миграционного	
	1979–1988	1989–2002	1979–1988	1989–2002	1979–1988	1989–2002
Северная Осетия:	6,6	3,8	8,9	1,4	-2,3	2,4
осетины	11,3	11,8	10,2	3,4	1,1	8,4
русские	-5,9	-12,2	4,3	-5,7	10,2	-6,5
Адыгея	6,6	3,1	4,0	-3,1	2,6	6,2
Дагестан	10,2	14,9	20,7	14,4	-10,5	0,5
Кабардино-Балкария	11,8	2,3	13,3	4,6	-1,5	-2,3
Карачаево-Черкесия	12,2	1,5	11,9	3,2	0,3	-1,7
Российская Федерация	6,9	-2,2	5,7	-4,2	1,2	2,0

Таблица 2. Естественное движение населения Северной Осетии в 1989 и 2001 гг. (абсолютные и относительные показатели)

	Все население			В том числе:			
	осетины	русские		армяне	грузины	украинцы	кумыки
Абсолютные показатели:							
1989 г.:							
родилось	11 460	6076	2775	196	238	148	287
умерло	6024	2723	2442	159	99	167	61
естественный прирост	5436	3353	333	37	139	-19	226
2001 г.:							
родилось	7317	3790	953	85	82	42	179
умерло	8205	4420	2587	160	132	156	76
естественный прирост	-888	-630	-1634	-75	-50	-114	103
На 1000 чел.:							
1989 г.:							
родилось	18,0	18,1	14,7	14,3	19,2	14,7	30,1
умерло	9,5	8,1	12,9	11,6	8,0	16,6	6,4
естественный прирост	8,5	10,0	1,8	2,7	11,2	-1,9	23,7
2001 г.:							
родилось	10,9	9,6	5,8	5,8	6,8	5,2	15,3
умерло	12,2	11,2	15,7	10,9	11,0	19,2	6,5
естественный прирост	-1,3	-1,6	-9,9	-5,1	-4,2	-14,0	8,8

Таблица 3. Динамика численности населения Северной Осетии и его среднегодового прироста (1979–1989 гг. и 1989–2002 гг.), тыс. чел.

	17.01.1979 г., перепись		12.01.1989 г., перепись		01.10.2002 г., расчетные данные		Среднегодовой прирост населения, чел.	
	численность	%	численность	%	численность	%	1979–1988	1989–2002
Все население	592,0	100	632,4	100	666,6	100	4043	2575
Осетины	299,0	50,5	334,9	52,9	394,2	59,1	3586	4400
Русские	200,7	33,9	189,1	29,9	1659,8	24,0	-1153	-2116
Ингуши	23,7	4,0	32,8	5,2	35,8,0*	5,4	912	246
Армяне	12,9	2,2	13,6	2,2	14,5	2,2	71	64
Грузины	11,3	1,9	12,3	1,9	11,9	1,8	94	-14
Украинцы	10,6	1,8	10,1	1,6	7,8	1,2	-48	-169
Кумыки	7,6	1,3	9,5	1,5	11,9	1,8	187	180
Чеченцы	1,8	0,3	2,6	0,4	3,1	0,4	89	40
Другие нац-ти	24,4	4,1	27,5	4,3	27,6	4,1	305	-50

* Считая вынужденных переселенцев из Северной Осетии, находившихся в указанный период на территории Ингушетии. По расчетным данным, в Северной Осетии на 1 октября 2002 г. реально проживало порядка 22-23 тыс. ингушей.

Таблица 4. Динамика численности населения Северной Осетии в 1989–2002 гг., тыс. чел.

	12.01.1989 г., (перепись)	Прирост за 1989–2001 гг.:			01.10.2002 г., (расчетные данные)	2002 г. в % к 1989 г.	Удельный вес в приросте (снижении) населения, %	
		ОПН*	ЕПН*	МПН*			ЕПН*	МПН*
Все население	632,4	36,1	13,4	22,7	666,6	105,4	37	63
Осетины	334,9	59,5	17,6	41,9	394,2	117,7	28	72
Русские	189,1	-26,0	-12,1	-13,9	159,8	84,5	-47	-53
Ингуши	32,8	3,2	5,5	-2,3	35,8	109,1	прирост только за счет ЕПН	
Армяне	13,6	1,0	-0,3	1,3	14,5	106,6	прирост только за счет МПН	
Грузины	12,3	-0,3	0,3	-0,6	11,9	96,7	снижение только за счет миграц. оттока	
Украинцы	10,1	-2,0	-1,2	-0,8	7,8	77,2	-61	-39
Кумыки	9,5	2,3	2,3	0,0	11,9	125,3	100	–
Чеченцы	2,6	0,5	0,7	-0,2	3,1	119,2	прирост только за счет ЕПН	
Другие нац-сти	27,5	-2,1	0,6	-2,7	27,6	100,7	снижение только за счет миграц. оттока	

* ОПН – общий прирост населения, ЕПН – естественный прирост населения, МПН – миграционный прирост населения.

Таблица 5. Численность беженцев и вынужденных переселенцев
в Северной Осетии и их этнический состав (на 1 января 2002 г.), тыс. чел.

	В том числе из:					
	Всего	Грузии	в том числе: Южной Осетии	Средней Азии и Казахстана	Чечни	других регионов
Всего:	34,8	26,6	0,8	3,5	2,6	1,3
В том числе:						
осетины	30,4	25,5	0,8	2,9	0,6	0,6
русские	2,2	0,2	-	0,3	1,3	0,4
грузины	0,6	0,5	0,03	0,03	0,02	-
армяне	0,6	0,1	-	0,03	0,3	0,2
другие нац-сти	1,0	0,3	-	0,2	0,4	0,1